

На следующий день Гермиона снова оказалась в кабинете Минервы, чайник и чашки стояли на столе перед ней, а Гарри снова сидел в кресле рядом с ней. Единственная разница на этот раз заключалась в том, что в офисе было значительно больше людей; Присутствовали Рон, Джинни, Поппи, Билл и профессор Слагхорн, а также она сама, Гарри и директриса.

Всем, кто знает правду о нас с Гарри.

Она могла кое-что чувствовать из того, что чувствовали другие, но не могла привязать большинство эмоций к конкретным людям; на таком маленьком пространстве было слишком много людей, и она нашла все это немного ошеломляющим. Единственным человеком, о котором она что-то читала, был мужчина, который в настоящее время был ее парнем.

Рон.

Он не смотрел ни Гарри, ни ей в глаза. В то время как Джинни, казалось, было немного не по себе, Рон был в совершенно другом месте по сравнению со всеми остальными в комнате с точки зрения его чистых эмоций. Гнев, обида, замешательство — даже страх. Это то, что она узнала от него, и это глубоко ее беспокоило. Она знала, что скоро ей придется столкнуться с музыкой и разорвать их короткие отношения, но она очень, очень не хотела, чтобы их дружба подвергалась опасности. За все их ссоры на протяжении многих лет; при всех своих мелких склоках и разногласиях они столько пережили вместе, что образовались узы дружбы. Облигации, которыми она дорожила. Несмотря на все это; несмотря на его бахвальство, бесчувственность и частые приступы легкомыслия, Рон был хорошим человеком, и она знала, что он глубоко заботится о ней так же, как она заботилась о нем. Она считала его одним из немногих людей в своей жизни, которых она любила и была любима в ответ. Именно по этой причине она боялась разговора, который, как она знала, должна была состояться с ним после того, как эта встреча закончится.

Ее размышления были прерваны, когда она почувствовала внезапное давление на руку, и когда она огляделась, то поняла, что Гарри мягко сжал ее пальцы, явно почувствовав ее беспокойство. Она поймала его взгляд и почти незаметно кивнула, давая понять, что с ней все в порядке. Их молчаливая беседа была прервана звуком, когда Минерва громко откашлялась, и когда она повернулась, чтобы уделить все свое внимание директрисе, она заметила, что Рон и Джинни смотрят на нее и Гарри с задумчивым выражением лица последнего.

На лице Рона гримаса обиды.

Однако, прежде чем она успела отреагировать, Минерва начала говорить.

«Спасибо всем за то, что пришли сегодня, тем более, что это собрание было созвано в короткие сроки». Говоря это, она посмотрела на Билла, и Гермионе пришло в голову, что Биллу, должно быть, нужно было получить разрешение от гоблинов, чтобы получить отгул. Она одобительно улыбнулась ему, прежде чем снова обратить внимание на Минерву.

«Я пригласила вас всех сюда сегодня, потому что нам нужно многого добиться, и вы

единственные, кто полностью осведомлен обо всех... смягчающих обстоятельствах, влияющих на Гермиону и Гарри», — добавила она с иронией. — Так что считай это маленькое собрание чуть ли не военным советом. Я ценю мнение и интеллект каждого из вас. У нас есть действия, которые необходимо предпринять, но реальность нашей ситуации такова, что многое из того, что мы делаем, должно пока оставаться в секрете». Она указала на Гарри и Гермиону. — Нынешняя политическая обстановка не особенно благоприятна для наших друзей, учитывая их... статус, поэтому я должен просить вас проявить осмотрительность и настаивать на том, чтобы все, что мы обсуждаем в этой комнате, оставалось в этой комнате. В Министерстве есть люди, которые могут негативно относиться к тому, что мы делаем.

Она сделала паузу, воспользовавшись моментом, чтобы это последнее утверждение дошло до сознания, пока она решала, что сказать дальше.

— Я не буду требовать от кого бы то ни было обета молчания. После всего, через что мы прошли, крайне важно, чтобы мы продолжали доверять друг другу. Твоего слова будет достаточно для меня. Что я скажу сейчас, прежде чем мы пойдем дальше, так это то, что если кто-то из вас решит, что не хочет быть частью этого маленького заговора, вы можете уйти сейчас, и никто не будет думать о вас хуже. Если вы выберете этот вариант, все, о чем я вас прошу, это молчание.

Гермиона напряглась при этих словах и услышала, как Гарри удивленно вздохнул. Минерва со своей обычной ясностью перешла прямо к сути дела. То, что они собирались сделать, было, вероятно, опасным и почти наверняка незаконным. После нескольких мгновений тишины никто не двинулся с места, и Гермиона выдохнула, даже не осознавая, что задерживается.

— Спасибо, — сказала Минерва с легкой улыбкой на лице. — У нас много дел. Наш приоритет - найти Грейбека. Несмотря на его недавние нападения, мы установили из свидетельских показаний здесь, в Хогвартсе, что он может менять свою форму по желанию. Мы должны выяснить, как он добился этого. Последствия для тех, кто проклят ликантропией, огромны. Мы можем даже говорить о потенциальном излечении. Мы должны найти его. Должна, — добавила она задорно, стукнув кулаком по столу. За этой вспышкой последовала долгая пауза.

— Есть ли у нас какие-нибудь идеи относительно того, как он это делает? — спросила Джинни, и Гермиона удивилась, что тишину нарушил самый молодой человек в комнате.

— Возможно, какое-то заклинание? — спросила Поппи. — Я помню, как этот дурак Локхарт болтал о том, как вылечить Вагга-Вагга-оборотня с помощью чар Хоморфуса. Она покраснела от приподнятых бровей в ответ на ее слова. — Я не имею в виду, что Локхарт сделал то, что заявлял! Я просто имею в виду, что, возможно, кто-то другой достиг этого? Я помню, как однажды читал о Сесиле Ли из отдела поимки оборотней. Я думаю, что он руководил ею еще в 1930-х годах. В любом случае, он сказал, что хотя заклинание не может вылечить ликантропию, оно может временно вернуть оборотню человеческий облик. Что, если кому-то удалось настроить заклинание, чтобы сделать обратное также верно?

— Это... возможно, — медленно произнесла Минерва, делая заметки. «Конечно, на это стоит посмотреть. Спасибо, Поппи, — добавила она с улыбкой. Обычно молчаливая медсестра

покраснела от похвалы.

— Я не против изучить это, — сказал Билл. «Если кому-то удалось обратить вспять это заклинание, то его можно было бы классифицировать как проклятие. Особенно темное проклятие, — многозначительно добавил он. — С этими сумасшедшими сами-знаете-кто... простите! Старые привычки и все такое. Он поднял руки в извинениях за свои слова, прежде чем начать снова. «С этими сумасшедшими людьми, Волдемортом, собравшимися вокруг него, все возможно. Я проверю это. У гоблинов может быть некоторая информация, которой нам не хватает, — добавил он. Гермиона поймала себя на том, что улыбается при упоминании имени Волдеморта, довольная тем, что его тень больше не отбрасывает так долго.

— Спасибо, Уильям. Пожалуйста, будьте осторожны. Есть еще идеи? — спросила Минерва, скрывая ухмылку от гримасы на лице Билла, когда он услышал, как он назвал свое имя.

Профессор Слагхорн прочистил горло. — Я не думаю, что он использует зелье, — начал он. «Я слежу за последними разработками в своей области и не знаю ни одного недавнего прорыва. Многие пытались развить работу Дамокла Белби, но еще никому не удалось улучшить зелье волчьего яда. Если бы кто-то так делал, я бы об этом услышал. Я не могу представить себе ни одного Мастера Зелий, который хранил бы такой прорывной секрет.

При этих словах Гермиона резко выпрямилась. — Я могу, — мягко сказала она.

'Какая?' — пробормотал Гораций.

Я сказал: «Я могу». Разве это не очевидно? Мы все знаем о Мастере Зелий, который действовал тайно, — добавила она, вызываяще приподняв одну бровь.

Она могла видеть точный момент падения пенни. Даже Рон, обычно не самый быстрый соображающий, качнулся вперед на своем месте, когда осознание пришло.

— Снейп! — воскликнул Рон.

— Снейп, — шепотом повторил Гарри, и она почувствовала, как он напрягся рядом с ней, повторяя имя. Когда она повернулась к нему лицом, то заметила, что он побледнел и на самом деле дрожит. Инстинктивно она взяла его руку в свою и начала нежно поглаживать ее, не обращая внимания на реакцию остальных в комнате. Она знала, что он все еще пытается смириться со смертью Снейпа; его действия, и с каким человеком он был.

Смелый человек? Без сомнения, Северус Снейп был храбр. Но его храбрость не сделала его менее полным ублюдком, каким он был для Гарри.

Она до сих пор не простила ни Снейпа, ни Дамблдора за то, что они заставили Гарри почувствовать, что он должен пожертвовать своей жизнью. Она сомневалась, что когда-нибудь

это сделает, и именно по этой причине она настояла, чтобы Минерва усыпила все портреты в своем кабинете. Она не хотела встречаться с ними прямо сейчас, если вообще когда-либо. «Высшее благо» или что-то в этом роде, ни один подросток не должен чувствовать, что единственным жизнеспособным решением проблемы является смерть.

Она наконец почувствовала, как ее друг успокоился от ее прикосновения, и улыбнулась, когда он одарил ее благодарным взглядом. Он ободряюще кивнул, прежде чем обратить внимание на остальных. Она не отпускала его руки.

— Снейп, — повторил Гарри, на этот раз твердо. «У него была способность создавать что-то подобное, и Волдеморт, возможно, хотел, чтобы он это сделал». Он поморщился. «Хоть он и был на нашей стороне, если бы Волдеморт приказал ему создать такое зелье, Снейп попытался бы это сделать. Он был из тех, кто с удовольствием принял бы такой вызов. Он был таким тщеславным. А еще он был таким изобретательным, — добавил он, думая о конкретной книге по Зельям.

Минерва посмотрела на него укоризненно, но не сразу прокомментировала. — Вы приводите веские доводы, мистер Поттер, — наконец ответила она. «Это то, что нам, безусловно, нужно изучить.

— Я сделаю это, — твердо ответил Гарри с выражением мрачной решимости на лице. Она снова сжала его руку.

— Я тоже, — сказала она, не сводя глаз с Гарри. Через несколько мгновений она почувствовала пристальный взгляд остальных в комнате. «Все дело в том, чтобы помочь нам с нашей ликантропией. Как бы мы ни ценили помощь, мы должны взять на себя инициативу в некоторых аспектах, — сказала она, задаваясь вопросом, почему она чувствовала необходимость оправдываться. Большинство остальных, казалось, приняли ее объяснение, но она заметила, что лицо Рона еще больше покраснело. Она вздохнула.

'ХОРОШО; это хорошее место для начала, — сказала Минерва. — Лично я думаю, что Сивый, должно быть, использует заклинание или зелье. Хотя я пока не хочу ничего исключать, я считаю, что именно на этом мы должны сосредоточить наши усилия. Согласовано?'

Кивки приветствовали эти слова.

— Итак, мы привлекаем Министерство? — спросил Слизнорт. — Мы скажем Кингсли? Мне не нравится мысль о том, чтобы сразиться с Грейбеком без поддержки. Что, если мы получим зацепку на него; мы привлекаем авроров?

— Нет, — немедленно ответил Гарри. Он посмотрел вверх. — По крайней мере, пока. Некоторые из вас слышали Кингсли в «Норе». Он поддерживает нас наедине, но не может поддерживать нас публично. Если станет известно, что мы с Гермионой оборотни, наша жизнь потеряет смысл. Слишком много людей хотели бы, чтобы мы были сброшены с пьедестала, на который они нас поставили. И если этого было недостаточно, Грейбэк своими недавними

атаками действительно подогрел ненависть. Он выглядел мрачным. — У нас нет врагов, которых нужно искать. Если тебе все равно, я бы предпочел пока держать это при себе. По крайней мере, пока мы не получим больше информации. Если мы получим решение по поводу Грейбека, мы сможем вернуться к этому вопросу еще раз».

Гермиона посмотрела на каждого из людей в комнате и увидела, как до них дошло, что Гарри был прав. Она услышала, как Минерва снова начала говорить, но, что нехарактерно, постепенно замолчала, переводя взгляд с одного человека на другого, напрягая при этом свои чувства. Она как будто молча оценивала каждого; измеряя их и оценивая их силу и их приверженность. Наконец ее взгляд остановился на Роне, и она испытала внезапное чувство беспокойства, наблюдая за ним. Он казался глубоко смущенным — взволнованным — и когда она снова обратила внимание на Минерву, она поняла, что должна срочно поговорить со своим парнем. Были вещи, которые нужно было сказать, и чувства могли быть задеты.

Однако это необходимо сделать. Слишком многое поставлено на карту.

Чуть больше часа спустя Гермиона оказалась в конце группы, спускавшейся по лестнице из кабинета Минервы. Билл вернулся в Гринготтс, а Джинни — в Нору, но прежде чем Рон успел последовать за сестрой, она схватила его за рукав и легонько потянула.

— У вас есть несколько минут? — спросила она. 'Нам нужно поговорить.'

На мгновение он выглядел так, будто собирался отказать ей, но, наконец, кивнул головой и позволил увести себя из офиса. Конечно же, Гарри заметил, что происходит, и ей потребовалась вся сила воли, чтобы не заметить выражение беспокойства на его лице. Это был единственный случай, когда она категорически не хотела его участия. Она намеренно ждала, все еще сжимая Рона за рукав, пока не увидела, как другая ее подруга неохотно вышла из комнаты.

Теперь, когда она шла бок о бок с Роном по лестнице, она не могла вспомнить время, когда чувствовала себя еще дальше от него. Когда они, наконец, вышли из лестницы в коридор седьмого этажа, она решила направиться к портрету Полной Дамы, охранявшему вход в Гриффиндорскую башню. Она сочла, что лучше всего вести этот разговор в месте, которое можно было бы считать нейтральным, и она не могла придумать более подходящего места, чем общая комната, которую они делили шесть лет.

Дав по запросу пароль, она провела их обоих через портретную дыру на очень знакомую территорию. Чувствуя себя довольно неуверенно, она направилась к дивану, стоявшему перед камином, и села. Она не удивилась, когда Рон решил сесть в самое дальнее от нее кресло. Она закрыла глаза, пытаясь подготовиться к тому, что должно было произойти, но прежде чем она смогла собраться с мыслями, она была поражена, когда Рон начал разговор. Ее тщательно отрепетированная речь улетела в окно при его словах.

'Ничего страшного. Я знаю, почему ты хочешь поговорить. Ты бросаешь меня, не так ли? В его тоне была нотка яда.

— Рон... я... это не... — Она остановилась, собираясь с мыслями. — Я не «бросаю» тебя, Рон. Это говорит о том, что я не хочу иметь с вами ничего общего.

Он изогнул бровь. — Значит, ты меня не бросаешь? Мы все еще вместе, не так ли?

— Это не так просто, Рон. Ты же знаешь, что это не так просто.

— На самом деле все так просто, Гермиона. Ты пытаешься сказать мне, что не считаешь, что у нас должны быть отношения, не так ли? Поэтому ты меня бросаешь.

Признав поражение, она посмотрела на свои руки на коленях и кивнула. — Мне не нравится, когда это так говорят, — наконец выдавила она. «Звучит слишком сложно. Слишком жестоко.

— Но это трудно. Это жестоко, — ответил Рон, и она услышала эмоции в его голосе. — Я думал, нам хорошо вместе. Я знаю, что у нас есть свои проблемы. Я знаю, что мы иногда спорим и все такое, но я думал, что нам хорошо вместе. Ты мне нравишься целую вечность. Я думал, ты чувствуешь то же самое?

Она уловила в его тоне нечто большее, чем намек на обвинение, но сдержала свой нарастающий гнев. Ей нужно было сохранять спокойствие ради них обоих. — Да, Рон. Верно. Ты мне давно нравился. Вы должны это знать? Но это не работает. Супруги должны делать друг друга счастливыми, не так ли? Ты действительно думаешь, что мы делаем друг друга счастливыми?

— Да, когда-то. Мы сделали друг друга счастливыми, Гермиона.

«Мы делали это, когда не были парой!» — возразила она. «Можете ли вы честно сказать, что вы счастливы прямо сейчас? Что я сделал тебя счастливым? Не могли бы вы?»

Он отвернулся от нее, когда она спросила об этом, и это был весь ответ, который ей был нужен. — Прости, Рон. Я действительно. Я люблю тебя, просто не так, как ты хочешь. Мы просто не работаем как пара. Я чувствую, что мы всегда пытаемся заставить это работать. Все это кажется очень вынужденным. Мы слишком часто ссоримся. Я ненавижу ссориться с людьми, которых люблю, и я люблю тебя, Рон. Ты один из самых важных людей в моей жизни.

' Один из. Вот в чем проблема, не так ли?

— Рон?

— Я никогда не был самым важным, не так ли? Даже когда я был твоим парнем. Это никогда не был я; это всегда был Гарри, не так ли?

Итак, вот оно. Мне было интересно, сколько времени пройдет, пока Гарри не будет втянут в это.

— Ты знаешь, почему Гарри отдавал предпочтение. Волдеморт пытался убить его! Вы тоже поставили его на первое место. Мы оба сделали. Предстояла война, которую нужно было выиграть. Гарри был ключом к этому», — добавила она.

«Срочные новости, Гермиона: мы выиграли эту чертову войну. Закончилось. И все же это все о Гарри, не так ли? Я наблюдал за тобой раньше, ты знаешь. Я видел, что вы держались за руки.

Она закрыла глаза. — Он мой друг, Рон. Мой лучший друг. Ему сейчас больно. И я тоже.'

— Я тоже, Гермиона. Как и многие люди, — ответил Рон, и она услышала боль в его голосе и поняла, что говорит о Фреде.

— Я знаю, Рон, и мне очень жаль. Может быть, это еще одна причина, по которой мы должны перестать видеться? Мы сейчас не в лучшей форме. Любой из нас.

Казалось, он какое-то время обдумывал ее слова, прежде чем ответить. — Но разве мы не должны сближаться, когда нам больно? Разве не в это время мы должны утешать друг друга? он спросил.

Она на мгновение обдумала его слова. — Возможно, Рон. Может быть. Но ответь мне: если мы утешаем друг друга, то кто утешает Гарри?

Она смотрела, как он поморщился на ее вопрос, прежде чем ответил.

'Не знаю. Джинни? Он мог пойти с Джинни, не так ли? Тем не менее; вы подтверждаете мою точку зрения. Я спросил тебя, был ли я когда-нибудь самым важным для тебя, не так ли? Вы, конечно, ответили мне, не так ли? Гарри всегда был важнее».

«Гарри столкнулся с более серьезными проблемами! Он нуждался во мне больше! Он все еще делает! Если бы вам пришлось иметь дело с тем, с чем он столкнулся и сталкивается, вы бы взяли приоритет. Разве ты не понимаешь?

— Нет, Гермиона, не знаю. Но Гарри кажется. Он снова выигрывает, не так ли?

Она громко ахнула от этого заявления.

«Победы? Победы? Это не соревнование, Рон Уизли! Я не какой-то приз; какая-то безделушка вручается за хорошее поведение! У Гарри больше никого нет. НИКТО. У него есть я и у него

есть ты; никто другой. Если вы этого не видите, то вам ничем не помочь. Если ты действительно способен быть таким эгоистом, то неудивительно, что мы не работаем вместе. Гарри — лучший друг, который может быть у каждого из нас, и если ты этого не видишь, значит, ты не заслуживаешь называть его своим другом. Он нуждается в нас обоих прямо сейчас. Очень нуждается в нас. Так да; ты прав. Ты сейчас не самый важный человек в моей жизни, Рон. Гарри! — воскликнула она, тяжело дыша после произнесенной тирады.

— И он всегда будет, не так ли? Рон ответил, и теперь его голос был тихим. — С ним одно дело за другим, не так ли?

— Да, Рон, это так. И как раз, когда кажется, что он может передохнуть, я иду и превращаю его в оборотня». Она действительно рассмеялась, говоря это; с ее губ сорвался истерический смешок. Затем она закрыла лицо руками и зарыдала, когда чудовищность происходящего достигла ее пределов.

Рон Уизли сидел и смотрел на свою — теперь уже бывшую — девушку, которая плакала перед ним. Ее реакция удивила его, потому что Гермиону нельзя было обвинить в плаксивости. Блестящий? Да. Страшный? Определенно. Эмоциональный? Страстный? О, черт, да. Но не плачущий. Никогда этого. Ему было спокойнее, когда она кричала на него.

Однако в последнее время она была склонна плакать, понял он. Это было что-то вроде прозрения для Рональда Билиуса Уизли. Для того, кто обладал эмоциональным диапазоном чайной ложки, это было значительным открытием.

Гермиона явно изо всех сил пытается справиться, и весь этот плач очень на нее не похож.

Странное новое чувство охватило его, и ему потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что это было.

Угрызение совести.

Оглядываясь назад на годы вперед, Рон признает этот момент одним из главных поворотных моментов в своей жизни. Но это было в будущем; прямо сейчас он не замечал значения своего следующего шага, поэтому его вечная честь заключалась в том, что он проглотил гнев и негодование, которые он чувствовал. К его чести, он осознал — в момент ясности — каким он был полным засранцем. И его заслуга в том, что он решил что-то с этим сделать. Он встал и очень осторожно подошел к Гермионе, прежде чем сесть рядом с ней на диван. Он сразу же почувствовал, как она напряглась, поэтому с чувством трепета обнял ее.

'Мне жаль.'

Два слова, которые чуть не сломали ее. Она бросилась в его объятия и заплакала. Она плакала за всех, в конце концов. Для нее; за разрыв ее отношений с Роном; для Гарри и всего, что он перенес. За потерю невинности. Они оставались так некоторое время, пока она, наконец, не

начала собираться и вырваться из его объятий.

— Мне тоже жаль, — наконец прошептала она. 'За все. Я не хотел тебя обидеть, Рон.

— Тебе не за что извиняться. Я... я... кажется, я только что доказал, что не заслуживаю тебя, Гермиона. Он сглотнул. — Ты удивительный человек, ты знаешь. Действительно невероятно. Ты заслуживаешь самого лучшего, а самый лучший — это не я, — тихо добавил он.

Она резко отстранилась от него, чтобы лучше его видеть. — Не говори так, Рон. Ты хороший человек. Великий человек! Один из лучших, кого я знаю.

— Вот именно, Гермиона. Опять эта фраза. "Один из." Но не лучший. Мы оба знаем, что это правда, не так ли? Если бы я был лучшим, я бы не говорил тебе такие ужасные вещи. Если бы я был лучшим, в самые мрачные моменты я бы не ревновал к своему лучшему другу, хотя в глубине души я знаю, что у него отобрали все, что имело значение».

Гермиона покачала головой в ответ на его слова, словно отрицая, но Рон продолжал.

«Если бы я был лучшим, Гермиона, я бы не заставил тебя плакать и не чувствовал бы себя неловко из-за того, что ты оборотень, не так ли?» — мягко спросил он.

Это вызвало реакцию. — Но это не твоя вина! Я напал на тебя! Я чуть не убил тебя! Будь ты проклят!

'Я знаю. И я также знаю, что на самом деле это сделал не ты, а волк. Но я все еще чувствую себя неловко. И дело в том; что действительно важно, так это то, что вы также напали на Гарри и действительно прокляли его. Ему некомфортно с вами? Он относился к вам по-другому? Он винит тебя? Он заставляет тебя плакать?

Она на мгновение обдумала его слова.

Не так, как ты, Рон. Я не часто плачу, но когда Гарри заставляет меня плакать, это слезы гордости; слезы сострадания. Любви.

Она была внезапно поражена этой простой истиной.

— Я повторяю еще раз, Гермиона. Вы замечательный человек. Вы достойны самого лучшего. Мы оба знаем, кто это, не так ли?

Через мгновение она кивнула, ее утверждение было похоже на какое-то предательство. — О, Рон. Я не знаю, что сказать.'

— Ничего не говори. Это не поможет.

Слезы снова навернулись на ее глаза. — Я люблю тебя, Рон. Надеюсь, ты это понимаешь.

Он кивнул. — Да, Гермиона. Просто не так, как мне бы хотелось. Он изобразил то, что можно было описать только как ироническую гримасу. — Больше похоже на брата, да? он прошептал.

Он резко встал и встал перед пустым камином, спиной к ней, одной рукой на каминной полке. — Ты будешь в порядке? он спросил. — Просто, если вы не возражаете, я хотел бы немного побыть один.

Сквозь слезы она кивнула. — Я в порядке, Рон, спасибо. Можешь идти, если хочешь. Она подняла глаза, когда он повернулся к ней лицом, и почти умоляюще протянула ему руку. — Мне очень жаль, Рон.

Он взял ее руку и мягко сжал ее. 'Я знаю. Я тоже. За все.

«Мы будем в порядке?» она спросила. — Ты нужен мне в жизни, Рон.

Он кивнул. 'Мы будем в порядке. Я бы тоже пропал без тебя. Мы слишком много прошли вместе. Просто нужно немного времени, вот и все. Я все еще здесь для вас. Для вас обоих, — добавил он.

Сказав это, он отпустил ее руку и направился к портретной дыре. Она не повернулась, чтобы посмотреть, как он уходит, и поняла, что он ушел, только когда звук его шагов наконец стих.

Она подняла голову и посмотрела в пустой камин, погруженная в свои мысли. В конце концов, она почувствовала, как ее веки опустились, и она глубже устроилась на диване. Это был эмоционально утомительный день, и в данный момент она не чувствовала желания встречаться с кем-либо еще. В конце концов, она уснула, благодарная за забвение...

...когда она проснулась несколько часов спустя, то ощутила знакомое ощущение тепла; комфорта. Ей приснился очень приятный сон, и, как это ни странно ей теперь казалось, она чувствовала себя защищенной и любимой даже во сне. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы полностью проснуться, и еще несколько, чтобы понять, что кто-то накрыл ее одеялом, пока она спала. Она глубоко вдохнула, ее чувства немедленно распознали запах.

Гарри.

Она улыбнулась и снова закрыла глаза.

Конечно, это был Гарри. Кто еще это может быть?

Когда «военный совет» наконец подошел к концу, Гарри не торопился, пока все вставали, собирая свои вещи. Билл, по понятным причинам, ушел первым, отправившись прямо в Гринготтс. За ним быстро последовала Джинни, которая коротко улыбнулась ему, прежде чем шагнуть в пламя и вернуться в Нору.

Он видел, как Рон направился за ней, но был остановлен Гермионой, схватившей его за рукав и попросившей подождать. Имея хорошее представление о том, почему она это сделала, Гарри тоже решил подождать, чтобы узнать, нужна ли ей какая-либо поддержка, но очень быстро стало ясно, что она не хочет, чтобы он вмешивался. Вздохнув, он направился вниз по лестнице, следуя за Поппи и профессором Слагхорном, которые оживленно беседовали друг с другом о запасах зелий.

Дойдя до подножия лестницы, он обнаружил, что не знает, куда идти дальше. Изначально он собирался пойти в гостиную, но затаил подозрение, что у Гермионы уже могут быть планы на использование этой комнаты. Приняв быстрое решение, он спрятался за ближайший столб и подождал, пока не появятся два его друга.

«Я был прав», — подумал он про себя, наблюдая, как они приближаются к Полной даме. Он почувствовал внезапную печаль, поскольку знал, что двое его друзей собирались обсудить, и когда они прошли, он почувствовал напряжение между ними. Он только надеялся, что они останутся друзьями.

Он осторожно выглянул из-за колонны, прежде чем выйти из его импровизированного укрытия, чтобы убедиться, что они вошли в башню Гриффиндора.

— Что вы делаете, мистер Поттер?

Гарри чуть не выпрыгнул из кожи, услышав голос профессора МакГонагалл. Он повернулся к ней лицом, взволнованный.

— Я был... я просто... — начал он.

— Что ж, чем бы ты ни занимался, ты можешь закончить это позже. Я хотел переговорить с тобой, но ты ушел до того, как у меня появилась такая возможность. Прийти; пойдем со мной, — добавила она. — Мне нужно поговорить с Филиусом, чтобы ты мог проводить меня в его комнату.

Гарри сделал, как было велено, встав в ногу с директрисой, когда она направилась к лестнице. Несколько мгновений они шли молча, прежде чем Минерва наконец заговорила.

— Из того, что вы рассказали нам в Норе, я знаю, что вы знакомы с историей Северуса? — тихо

спросила она.

Это сбило его с толку. Хотя он и не знал, что директриса хотела обсудить с ним, ее вступительный гамбит застал его врасплох.

— Я немного знаком с ним, — осторожно ответил он.

— Значит, ты будешь знать, что Северус вырос в месте под названием Кокворт?

— Вообще-то я не знал, — пожал он плечами, когда Минерва повернулась к нему лицом. «В памяти мыследума я видел, как выглядел город его детства, но я никогда не знал, как он называется», — объяснил он.

Минерва кивнула, довольная его ответом. 'Что ж; Северус вырос в месте под названием Spinner's End. Кажется, это в Кокворте, городке в Мидлендсе. Дело в том, что он никогда не отказывался от права собственности на это место», — добавила она.

— Он не знал?

'Нет. Он сохранил его как резиденцию до самого конца.

'Действительно? Кровавый ад!' Гарри был удивлен и не заметил неодобрительного взгляда Минервы на его вспышку. Он знал, что дом, в котором прошло детство Снейпа, хранил для него очень плохие воспоминания. Он ненадолго задумался, как бы он себя чувствовал, если бы получил дом номер 4 по Тисовой улице, и попросил снова жить там.

Жить там? Я бы сжег это место дотла, если бы была возможность.

— Почему он захотел там жить? — наконец спросил он.

— Уверяю вас, это было бы не по выбору, — ответила Минерва. — Ему потребовалось бы какое-нибудь укромное место; место, которое Волдеморт счел бы безопасным и не контролируемым Альбусом.

Гарри кивнул, принимая это объяснение за чистую монету. — Так почему ты мне это рассказываешь?

— Потому что, если бы Северус действительно создал зелье, которое мы ищем, то вполне вероятно, что он сделал бы это где-нибудь в укромном месте. Здесь, в Хогвартсе, нет ничего, что указывало бы на то, что он работал над чем-то подобным. Нет; если он делал это по приказу Волан-де-Морта, то Прядильщик — хорошее место, чтобы начать поиски.

На мгновение он обдумал слова Минервы, не совсем убежденный, но принимая логику, по крайней мере, в том, чтобы проверить это место.

— Конечно, твоя мать выросла рядом с Северусом. Ее родным городом тоже был Кокворт, — небрежно добавила Минерва. «Возможно, вы захотите прогуляться, когда приедете».

Гарри остановился и бросил на Минерву то, что можно описать только как взгляд. Со своей стороны, Минерва повернулась к нему с выражением такой невинности, что он мог только рассмеяться.

— Все в порядке, профессор. Я бы все равно ушел без манипуляций. Не нужно направлять своего внутреннего Альбуса, — сказал он с улыбкой.

— Хорошо, — ответила Минерва. — Тогда я предлагаю вам начать строить планы. Я так понимаю, вы пойдете не один? — спросила она, подходя к кабинету профессора Флитвика.

Мысли Гарри немедленно обратились к Гермионе. — Нет, я не пойду один, — прошептал он ей удаляющейся спиной.

Чуть больше часа спустя Гарри нерешительно подошел к портрету Полной Дамы, решив, что прождал достаточно долго. После разговора с Минервой он внезапно понял, что голоден, поэтому направился на кухню, где обнаружил множество услужливых домовых эльфов, которые были только рады сделать ему бутерброд. И все, что, по их мнению, ему может понадобиться. Ему так понравилось их общество, что он потерял счет времени, и только когда один из эльфов упомянул о необходимости начать готовиться к обеду, он понял, как долго он был там.

Итак, он выразил свою благодарность и ушел, направляясь в Гриффиндорскую башню. Теперь, когда он прибыл, ему стало интересно, разговаривают ли двое его друзей внутри, или их разговор окончен.

Только один способ узнать, я полагаю.

Назвав пароль, он шагнул в открывшуюся дыру в портрете и окинул взглядом комнату.

Ничего такого.

Он разочарованно нахмурился, и как только он начал размышлять о местонахождении своих друзей, он понял, что что-то слышит.

Дыхание. Очень мягкое, очень тихое дыхание.

Очень осторожно он направился к камину и, обнаружив источник шума, не мог не улыбнуться.

Гермиона.

Она крепко спала, и ему пришло в голову, что такой умиротворенной он не видел ее за последние недели. Теперь, когда она отдыхала, она выглядела прекрасно. Он тихонько приблизился к ней и, как только всплыла деталь, нахмурился, заметив полосы на ее щеках и красноту вокруг ее закрытых глаз, и понял, что она плакала.

Я ненавижу, когда она плачет.

Он задавался вопросом, что значат ее слезы; что заставило ее плакать. Остались ли они с Роном друзьями? Был ли это гнев? Грусть? Оба?

Он покачал головой и присел рядом с ней, когда она лежала на диване. Несмотря на слезы, она смотрела на мир, и его сердце разрывалось за нее. Она дала все, что только можно было дать. Он не знал никого столь самоотверженного и был бы благодарен до конца своих дней за то, что она была его другом. Он неуверенно протянул руку, чтобы погладить ее по волосам, но она слегка пошевелилась, и он замер, держа руку над ее головой, пока она снова не успокоилась, и он почувствовал, что может уйти. Очень осторожно он опустил руку, встал и попятился от нее, заметив при этом ее легкую дрожь. Он понял, что в общей комнате было довольно прохладно, несмотря на дневную жару снаружи.

Он обошел спинку дивана, прежде чем достать палочку.

«Акцио одеяло», — прошептал он и подождал несколько мгновений, прежде чем протянуть руку и вырвать из воздуха одеяло, которое он вызвал из своей кровати, когда оно несло к нему. Очень, очень осторожно он потянулся через спинку дивана и осторожно накрыл ее одеялом, подогнув углы, где только мог. Сделав это, он нерешительно наклонился над ней и легонько поцеловал ее в лоб. Он мог бы поклясться, что уголки ее рта приподнялись в слабой улыбке.

— Спи спокойно, любовь моя, — выдохнул он, отступая, чувствуя чистый покой внутри себя.

Спокойной ночи.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539897>